

УДК 165.9

DOI: 10.17223/1998863X/38/5

О.В. Боровкова, А.М. Боровков

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОТЕРЯННОМ БУДУЩЕМ

Анализируются изменения представлений о будущем социально-исторического времени в рамках модернистской и постмодернистской традиции. Показано, что образ будущего как самостоятельной реальности сменяется представлениями о его «утрате» в постмодернизме. К этому приводит распространение утопий и претензий их на истинность, невозможность предсказать случайные события, парадоксы прогнозов и проектов и др. Предпринята попытка выделения основных путей «обозначения» будущего в постмодернизме.

Ключевые слова: будущее, историческая наука, время истории, модернизм, постмодернизм.

Особенностью исторической науки, ее отличием от других наук является связь со временем. Можно сказать, что оно — непереносимое условие исторического познания. Поэтому изменения представлений о месте, роли, основных категориях, субъекте исторической науки в условиях перехода от традиции модернизма к постмодернизму не могли не отразиться на облике времени истории.

Прежде всего, складывавшийся на протяжении веков образ так называемого единого «всемирно-исторического», «централизованного» времени модерна, которое «задает всем культурам единый ритм функционирования и развития» [1], не нашел места в представлениях постмодернизма и был подвергнут критике. По этому поводу Ж.-Ф. Лиотар заметил, что «западный человек» переживает упадок доверия к принципу «всеобщего прогресса человечества», который доминировал в течение двух столетий [2]. Одной из причин неприятия этой идеи времени явилось то, что она задает культурное неравенство. На смену линейной перспективе, по его мнению, приходит панорама жизни, предполагающая, что различные культуры отличаются друг от друга среди прочего и различным пониманием времени, которым измеряется жизнь общества, поэтому образы времени каждой культуры не зависят друг от друга.

Необходимо заметить, что как в модернизме, так и в постмодернизме признается факт особого понимания, осмысления времени каждой культурой, но в традициях модерна это своеобразие определяется путем сравнения с единым централизованным временем, а в постмодернизме путем сравнения со временем других культур. Другими словами, модернизму свойственна субординация культур, а постмодернизму — координация, хотя идея централизованного времени уже была подорвана исследованиями представителей школы «Анналов», школы исторической антропологии.

Позиция отрицания централизованного однонаправленного исторического процесса была выражена Ж. Делезом и Ф. Гваттари путем введения понятия «ризомы». Как известно, этот термин, заимствованный из биологии, оз-

начает в переводе с французского – «корневище», представляющее собой множество побегов, развивающихся во всех направлениях [3]. Главное здесь – это отсутствие центра и неопределенность путей роста и развития «побегов», независимых друг от друга. Таково, по их мнению, историческое время.

Утрата «социальности» – это еще одна характеристика исторического времени постмодернизма. Данная тенденция наметилась еще в работах М. Хайдеггера, отождествившего Мировое время с человеческим, а Ф.Р. Анкерсмит подчеркивал, что не видит большой разницы между «персональным» и «коллективным» прошлым [4. С. 367] и модели исторического времени, соответственно, могут принадлежать индивидуальному сознанию.

Потеря временем социальности сопровождается и потерей реальности, так как понятие «историческая реальность» практически изымается из оборота, – реальность полагается недоступной для познания. История выступает как нарратив, а историческое время предстает как условная темпоральность. Время в этом случае обозначает своеобразие исторического нарратива, так как в литературном произведении применяется пространственный способ описания.

В традиции модернизма, где историческая реальность прочно занимает свое место, прошлое, настоящее и будущее социально-исторического времени предстают, в свою очередь, как отдельные реальности, существенно различающиеся по своим свойствам. Но среди них будущее – модус, вызывающий больше всего вопросов. Оно выступает в роли некоего «указателя» движения и полагается одной из реальностей, отличающейся от прошлого и настоящего своей неукорененностью, так как создается человеком в виде образов мысли.

Несмотря на его преимущественно «идеальную» природу, будущее, с точки зрения сторонников модернизма, может присутствовать в настоящем в виде замыслов, планов, проектов и прогнозов. Предполагается, что в рамках закономерного исторического процесса события будущего вполне предсказуемы и как прогнозы, так и проекты непременно реализуются. Будущее наполняется событиями, которые, не занимая места в историческом пространстве, «закрепляются» на «шкале» календарного времени. Их неспособность стать историческими фактами в полном смысле этого слова не исключает их некоторой «фактичности», базирующейся на предопределенности, заданной единым закономерным историческим процессом, в который такое будущее логично вписывается. Случайные же события, которые могут произойти, не считаются значимыми для истории.

Роль будущего в социально-историческом времени представляется весьма важной, и, хотя исследователи-модернисты оценивали и оценивают его с различных позиций, влияние будущего на другие модусы довольно велико. Это, например, отмечал советский исследователь М.А. Барг, полагая, что без будущего «история была бы необратимо ослеплена. С этой точки зрения будущее является одним из измерений настоящего» [5. С. 97]. Он имел в виду будущее, предопределенное реалиями настоящего. Известный представитель экзистенциализма К. Ясперс, учитывая «проясняющую» функцию будущего, отмечал его вариативность, а не предопределенность. Он считал, что «наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее». «От-

каз от будущего, – продолжает он, – ведет к тому, что образ прошлого становится окончательно завершенным и, следовательно, неверным» [6. С. 155]. Образы будущего как проекция наблюдаемых тенденций и прогноз последствий, так и модели желаемого будущего «проясняют» картины прошлого, изменяют отношение к различным эпизодам прошлого, актуализируют те из них, которые по той или иной причине оставались без внимания. Без осознания будущего историческая наука представляла бы собой раз и навсегда установившееся знание, так как каждое поколение могло бы опираться лишь на знания о прошлом, не имея собственного взгляда, т.е. взгляда из желаемого, проектируемого будущего.

В свою очередь, настоящее и даже прошлое, как полагается в модернистской традиции (как классического, так и неклассического периода), также влияют на будущее. Можно предположить, что его осознание было связано с обретением человеком ретроспективы, что позволило ему понять, что жизнь состоит из изменений, что любое событие приводит к последствиям. Осмысление роли своей деятельности, с помощью которой можно изменять события, привело к появлению прогнозирования и проектирования.

Прогноз может исходить, во-первых, из ситуации, сложившейся в обществе, но не исключать того, что она изменится. В этом случае прогноз предполагает различные варианты, является некоторой, но не единственной возможностью. Во-вторых, может основываться на закономерном порядке вещей. В этом случае будущее прогнозируется в общих чертах: прогноз основывается на представлениях об общем направлении движения общества.

Проект отличается от прогноза, с одной стороны, тем, что предполагает активную позицию, «вмешательство» в ход событий, предпринимаемые изменения, а с другой стороны, тем, что он не представляет вариаций. Изменение предполагает создание другого проекта. Можно охарактеризовать проект как попытку создать желаемое будущее и предотвратить нежелательные события. Проект включает в себя как замысел (задуманный план действий, деятельности, намерение) [7. С. 59], так и план (заранее намеченная система деятельности, предусматривающая порядок, последовательность и сроки исполнения чего-нибудь) [7. С. 149].

Замыслы и планы относительно будущего могут корректироваться с течением времени, так как на них влияют такие факторы, как усложнение развития социальных систем, социальной жизни в целом, активность и инициатива субъекта, а также иные, неподконтрольные человеку факторы (например, природная стихия). Но все это происходит в рамках проекта.

Особым образом представляется будущее социально-исторического времени историками-исследователями. Первый аспект представления связан с процессом исследования, когда ученый погружается в изучаемую эпоху, рассматривая ее через призму свершившегося, где будущее уже было, уже заняло место в пространстве исторического прошлого. Второй аспект связан с тем, что историк – человек своего времени и не может полностью отрешиться от своих установок в настоящем, поэтому он имеет дело и с будущим «своего» настоящего, появляющимся в виде зародившегося нового и в виде возможностей, уже возникших, которые могут быть реализованы.

С точки зрения американского исследователя А. Чернус, будущее в рамках традиции модернизма полагалось реальностью, существующей в возможностях, осознаваемых субъектом истории. Категория будущего была связана с острым ощущением течения времени. Люди эпохи модерна «могли почувствовать прошлое как нечто за ними и будущее, как то, что ждало впереди» [8].

В XX в. облик будущего начинает изменяться. Это находит отражение в работе представителей некоторых возникших в то время направлений: экзистенциализма, цивилизационного подхода и др. Они выделяют, во-первых, некое «всеобщее», предопределенное будущее, являющееся фоном для проявления уникальности, индивидуальности. Предопределенное будущее связывается с невозможностью влиять на него. Во-вторых, это непрогнозируемое будущее, основанное на случае.

Показательным в связи с этим является подход М. Хайдеггера, который наряду с «мировым временем» выделил и временность, ориентированную на будущее и полагающуюся его синонимом. Будущее у него отличается от прошлого и настоящего тем, что является возможностью смерти как завершения, с одной стороны, а с другой – выступает как Ничто, как то, что еще не проявилось и поэтому неизвестно. Оно намечает направление движения системы и ее структуру. Такое будущее каждый раз постигается заново.

Также для сторонников плюралистического подхода (например, культурно-исторические типы) не предполагается, что будущее можно предсказать событийно. С точки зрения Шпенглера, Тойнби, известным может быть лишь тот факт, что каждое общество и культура пройдут стадии зарождения, расцвета и угасания.

Представители данных направлений, усомнившись в возможности влиять на будущее, перенесли свой интерес на выявление его структуры, оформления, условий и принципов его существования. Содержание будущих событий, с одной стороны, отошло на второй план, с другой – «поле» будущего (в основном отдаленного) стало наполняться утопиями и все больше терять свое значение.

«Немилость» к будущему со стороны постмодернистов обусловлена рядом обстоятельств. Одним из них является протест против утопизма, с возникновением которого во второй половине XIX – первой половине XX в. связывают появление постмодернизма. Утопии, которыми «питались» идеология и тоталитаризм, вызывают отвращение, что приводит к тому, что будущее как предмет истории стало полагаться подобием прошлого. Это нашло выражение в известной теории Ж. Делеза, где он выдвинул понятия Эона и Хроноса, выступившие двумя прочтениями времени. Эон бестелесен, он «развернулся, стал автономным, освободившись от собственной материи, ускользая в двух смыслах-направлениях сразу – в прошлое и будущее» [9. С. 93]. Прошлое и будущее здесь различаются лишь направлениями, которые не имеют значения для времени и истории. Время физических явлений – Хронос – это лишь настоящее, включающее в себя не имеющие самостоятельности прошлое и будущее.

Следующее обстоятельство неприятия будущего как самостоятельной реальности связано с представлением о фрагментированности прошлого. Как

пишет А. Чернус, «мы остались играть с кусочками» [8], т.е. с «набором» того, что не только случилось, но и того, что будет происходить в будущем. Только эти фрагменты обладают реальностью, а их расположение и интерпретация – это дело субъекта познания. Подобная позиция присутствует в работе отечественного исследователя А.В. Гулыги, который, не отрицая модификаций в будущем, полагает, что «будущее возможно только как прошлое» [10. С. 158].

Еще одним обстоятельством, мешающим принять будущее как существующее, является неспособность модернистов, или, по словам Д. Стейли, «универсальных историков», предвидеть случайность и неожиданность [11. С. 74]. Он приводит слова Х. Арендт, которая полагает, что мечта футуролога о предвидении будущего может сбыться лишь в мире, в котором никогда ничего не происходит. События же, которые, по определению, являются случаями, прерывающими обычные процессы и стандартные процедуры, не дают возможности предсказания. Предсказания будущего, являясь всего лишь проекциями настоящего времени, скорее всего, сбудутся, если люди не будут действовать и если ничего неожиданного не произойдет [11. С. 74]. То есть прогнозы, предсказания будущего допускают лишь ситуацию, когда ничего не меняется.

Как отметил А.Н. Медушевский, какой-то долей достоверности может обладать лишь краткосрочный прогноз, так как он нуждается в меньшем информационном ресурсе и может отталкиваться от текущей информационной ситуации [12. С. 11]. Долгосрочное прогнозирование предполагает гораздо большее количество информации, которое к тому же включает и ретроспективную информацию, которая не признается достоверной. Но в этом случае выявляется еще одна проблема, связанная со спецификой гуманитарных наук и исторической науки в том числе. Это проблема знания прогноза, которое само изменяет реальность. Этого, по словам Г.Г. Малинецкого, не происходит в сфере естественных наук. Знание о том, «как падает тело, брошенное под углом к горизонту» [13. С. 21], ничего не меняет в реальности.

Критике подвергается не только прогноз или предвидение. Современные зарубежные и отечественные исследователи сомневаются и в возможности проектирования в истории. С помощью проекта, в отличие от прогноза и предвидения, предпринимаются попытки преднамеренного изменения реальности. А.В. Рубцов утверждает, что проектом жестко предопределяется «будущее и движение к нему». Такой образ ведет к остановке времени, так как «в ходе строительства реальность изменяется в сторону проекта, – пишет он, – но будущее оказывается фиксированным, неподвижным. Проект забегает вперед, но, неизбежно застывая, часто оказывается позади времени, морально устаревая еще до реализации» [14. С. 40]. Проектом не учитывается многообразие событий, высокая динамика общественных процессов: он всегда тоталитарен и не предполагает плюрализма. Результатом этого может быть появление новой утопии.

Сомнения в существовании исторической реальности, изменения представлений о времени истории, которое становится временем нарратива (условно обозначаемой реальности), не могли не коснуться модусов этого времени. Прежние модусы (прошлое, настоящее, будущее) теряют свое

значение, и вместо них модусом становится сам процесс письма, определяющий логику нарратива: начало (общая ориентация), середина (постановка проблемы, ее оценка и разрешение), конец (возвращение к настоящему) [15. С. 16].

Как мы видим, будущее в историческом познании теряет значение, практически не учитывается, перестает мыслиться как самостоятельная реальность, а движение мысли происходит между прошлым и настоящим. Модусы утрачивают «равенство», настоящее поглощает как прошлое, так и будущее и становится для них «вместилищем». В этой вновь образовавшейся иерархии будущее оказывается на периферии осознания времени истории, теряя свою ценность и свою онтологическую сущность. Постмодернизм не обращен в будущее, его представители не верят в возможность его познания, не задаются вопросами о судьбах общества и не имеют проекции в будущее как в модернизме. Будущее, в лучшем случае, полагается частью настоящего.

Образ будущего как порождения современной ситуации предстает в работе А. Чернуса. Он пишет, что симулякры, занявшие место событий прошлого и будущего и являющиеся результатом удовлетворения потребностей и решения проблем современного общества, предопределили разрыв между реальным прошлым и будущим, с одной стороны, и настоящим – с другой. Разрыв вызван тем, что, во-первых, настоящее опирается на время, а прошлое, благодаря средствам массовой информации, предстает как плоскость, на которой расположены события различных эпох и совершенно не важна их последовательность во времени. В этой ситуации связь между прошлым и настоящим утрачивается. Во-вторых, трудно провести границу между событиями, происходящими в реальности, и теми, что являются результатом фантазии. Люди столько видят на экранах телевизоров, что, то, что происходит в реальности, не впечатляет, не шокирует. «Для большинства из нас эти образы катастроф являются лишь фантазиями, – пишет Айра Чернус. – Они оказываются оторванными от повседневной жизни или какой-либо исторической реальности. Так что они легко превращаются в симулякры, лишенные смысла» [8].

В-третьих, трудность отделения подлинного события от фантазии в прошлом, по словам А. Чернус, приводит к тому, что «образы будущего являются еще более нереальными» [8]. Люди, в качестве опыта предпочитают медийные образы, а жизнь представляется голливудским фильмом. «Вся эта псевдореальность убеждает нас в том, что в потоке исторического времени нет ничего важного для нас. Так что мы даже не пытаемся найти себя в контексте истории. Мы живем, как будто поток времени не очень влияет на нас. Поэтому мы почти не задумываемся о том, как мы можем изменить общество в каком-нибудь основном направлении в будущем. На самом деле мы не думаем, слишком глубоко о будущем вообще» [8].

Но в постмодернистской традиции возникает образ и другого будущего, не детерминированного ни настоящим, ни прошлым. Это будущее, как «другое», имеющее, по Э. Левинасу, иную, отличную от пространственной, внешность. Это будущее, которое «застает нас врасплох», «сваливается на нас и завладевает нами» [16. С. 77]. Х. Уайт пишет, что будущее давит на

нас, как приливная волна, или вдруг встряхивает нас, как землетрясение [17]. «Ризомность» времени истории, о которой писали Ж. Делез и Ф. Гваттари, также дает образ неопределенного будущего, так как «побеги» или потоки могут создать различные сочетания, особенно если учесть, что их множество и содержание их неизвестно [18].

Трактовка исторического времени как «не вполне» социального еще больше усложняет положение, так как поле возможностей для «удара» будущего расширяется, захватывая не только социальную сферу, но и все другие. Поэт и философ Б. Пастернак считал будущее худшей абстракцией именно потому, что оно «никогда не приходит таким, каким его ждешь» (цит. по: [19. С. 166]).

Еще один образ будущего постмодернизма – это окончание чего-либо, финал. Как пишет Ф. Джеймисон, в культуре постмодернизма «предчувствия будущего, катастрофического или спасительного, заместились ощущениями конца того или этого (конец идеологии, искусства или социального класса; "кризис" ленинизма, социальной демократии или общества всеобщего благоденствия и т.д. и т.п.)» [20]. То есть можно знать лишь то, что существующее в настоящем так или иначе завершится, и находить предпосылки этого снова же в настоящем. Какую роль играет финал? Он «освещает», придает смысл, проясняет значение событий или объектов настоящего, с его помощью, как пишет В.Н. Сыров, события приобретают облик истории, помогают прояснить значение данных объектов» [21. С. 29].

Несомненно то, что исследователи, несмотря на критику модернистских представлений о будущем, занимаются поиском методов его «обнаружения». Одним из наиболее эффективных и наиболее близким к новым представлениям полагается «метод сценария». П. Шварц, являющийся одним из первых разработчиков этого метода в бизнесе, предназначением сценарного планирования полагает не предсказание будущего, а рассмотрение перспектив манипулирования различными возможностями, которые могут возникнуть в будущем (цит. по: [11. С. 79]). Сравнивая сценарии с предсказаниями, Д. Стэйли замечает, что если предсказание является окончательным утверждением о том, каким будущее будет, то сценарии являются эвристическими заявлениями, исследующими вероятности того, что может быть [11. С. 78]. Кроме того, в отличие от прогноза или проекта, здесь признается то, что «существует не один последовательный путь в будущее, – сложность взаимодействия между социальными силами может производить различные результаты» [11. С. 79].

Завершая данные рассуждения, необходимо заметить, что будущее из содержательного, предсказуемого в общих чертах, осознаваемого как один из видов исторической реальности, превращается в тенденцию, в возможность, наделяемую свойствами непознаваемости, неотличимости от прошлого, несамостоятельности.

В рамках постмодернистского понимания истории оно предстает: 1) как подобие прошлому, представляющему собой «набор» фрагментов; 2) как краткосрочный прогноз, так как долгосрочные предполагают большое количество информации из источников, не связанных между собой (ризомность); 3) как часть настоящего, порождение современной си-

туации, относящееся «только к потребностям и проблемам современного общества», удобный заменитель, который отрезает нас от реального будущего [8]; 4) как «другое» неопределенное, непостижимое будущее, проявляющееся лишь тогда, когда «сваливается» на нас, завладевает нами; 5) как окончание чего-нибудь, проясняющий финал; 6) как сценарий, набор перспектив манипулирования различными возможностями, которые могут возникнуть в будущем.

Литература

1. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / отв ред. Ю.Г. Волков [Электронный ресурс]. URL: do2.gendocs.ru/docs/index-411696.html (дата обращения: 21.08.2013).
2. Лиотар Ж.-Фр. Заметка о смыслах «пост» // После времени: французские философы постсовременности // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 54–66.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома [Электронный ресурс]. URL: vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl.. (дата обращения: 18.10.2016).
4. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
5. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1986. 254 с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. 528 с.
7. Ожегов С. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: ModernLib.ru...ozhegov_s/tolkoviy_slovar_russkogo... (дата обращения: 27.09.2016).
8. Chermus Ira. Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism [Электронный ресурс]. URL: spot.colorado.edu...JamesonPostmodernism.htm (дата обращения: 01.05.2016).
9. Делез Ж. Логика смысла. М.: Издат. центр «Академия», 1995.
10. Гулыга А.В. Что такое постсовременность? Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153–159.
11. Staley D.J. A History of the future // History and Theory, Theme Issue 41 (December 2002). P. 72–89. Wesleyan University 2002 ISSN: 0018-2656 [Электронный ресурс]. URL: www.medientheorie.com/.../staley_history_of_the_future.pd... (дата обращения: 18.10.2016).
12. Медушевский А.Н. Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.
13. Малинецкий Г.Г. Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–46.
14. Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна. Пространство // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 34–45.
15. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. М.: Наука, 1996.
16. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
17. Domanska Ewa. A conversation with Hayden White // Rethinking History. Vol. 12, No. 1. March 2008, 3–21 The Journal of Theory and Practice. Adam Mickiewicz University, Poznan. Online Publication Date: 01 March 2008 [Электронный ресурс]. URL: staff.amu.edu.pl/~ewa/Domanska,A...with-Hayden... (дата обращения: 26.10.2016).
18. Егоров Б.Ф. Категории времени в русской поэзии XIX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
19. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, Duke University Press, 1991. P. 1–54. [Электронный ресурс]. URL: refdb.ru/look/1462340.html (дата обращения: 06.02.2016).
20. Сыров В.Н. Что может сказать текст историка? // Человек – текст – эпоха: сборник научных статей и материалов. Формирование жизненной среды и менталитета / под ред. В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 27–53.

E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Borovkov Alexander M. Rubtsovsk Institute, branch of Altay State University (Rubtsovsk, Russian Federation)

E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/38/5

MEMORIES OF LOST FUTURE

Key words: *future, historical science, time of history, modernism, postmodernism*

Seizure of the concept of "historical reality" from the circulation, denial of the image of the time of history as centralized one-way process, the loss of "social" in the postmodern tradition by them has led to the transformation of the future to the periphery of historical consciousness. The future loses its ontological essence, independence, and, in the best case, is considered as part of the present or the semblance of the past. The arguments in favor of the revision of ideas about the future were as follows: first, a protest against the utopism that has spread in the XX century, claims to truth and is a breeding ground for the ideology and totalitarianism. Secondly, the statement that the future can only repeat the past, while the past appears only as a set of fragments. Thirdly, the inability of the modernists to foresee random and unexpected events. Fourth, the specific of social and human sciences, including history, consists in the fact that knowledge of the future change reality itself. Fifth, the insolency of designing: projects claim the rigid predetermination of the future and motion to it. But this rigidity leads to the moral obsolescence of the project, it throws him back and he begins to be behind time. The researchers, despite the criticism of modernist ideas about the future, do not leave attempts of its "detect", put forward various hypotheses, are searching for methods of its cognition. The Future of time of history in the framework of postmodern conception of history appears: 1. As forecast, primarily short-term, as long-term forecasting should include retrospective information, which is not recognized as valid. It involves large amount of information from sources unrelated (rhizomatous). Modern foreign and domestic researchers have questioned not only in long-term forecasting, and the ability to design in history. With the help of the project, as opposed to the forecast and prediction, attempts are being made deliberate change the reality, and even her modeling. But the project can't take into account the diversity of events, it is fixed and morally outdated even before realization and is often behind the times. 2. As a part of the present, the similarity of the past, as "know" about it can only be based on a current situation or the fragments of the past. 3. As desired future, referring only to the requirements and problems of contemporary society. Such image of the future deprives of reality, because it is a convenient substitute for a real future. 4. As "other" unknowable future, manifested only when "falls down" on us, takes hold of us. 5. As the final, which "highlights", imparts meaning, clarifies the meaning of the events or facilities of present. In this case, it is possible only know what exists in the present way or another be completed and find conditions of it again in the same present. 6. As a set of prospects of manipulation of the various possibilities that may arise in the future. Thus, the future of the historical time from meaningful, predictable in general terms is transformed into a set of features of its detection, some trends.

References

1. Lubskiy, A.V. (2005) *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of historical research]. [Online] Available from: do2.gendocs.ru/docs/index-411696.html. (Accessed: 21st August 2013).
2. Lyotard, J.-F. (1994) Zаметка о смысле "post". Posle vremeni: frantsuzskie filosofii postsovremennosti' [A note on the meaning of "post"]. Translated from French by A.V. Garadzha. *Inostrannaya literature*. 1. pp. 54–66.
3. Deleuze, J. & Guattari, F. (n.d.) *Rizoma* [Rhizome]. Translated from French by Ya. Svirsky. [Online] Available from: vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl. (Accessed: 18th October 2016).
4. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The rise and fall of the metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Barg, M.A. (1986) *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and Methods of History]. Moscow: Nauka.
6. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

7. Ozhegov, S. (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: ModernLib.ru>...ozhegov_s/tolkoviy_slovar_russkogo.... (Accessed: 27th September 2016).
8. Chernus, I. (n.d.) *Fredrik Jameson's interpretation of postmodernism*. [Online] Available from: <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns/LongerEssays/JamesonPostmodernism.htm>. (Accessed: 1st May 2016).
9. Deleuze, J. (1995) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademiya.
10. Gulyga, A.V. (1988) Chto takoe postsovmennost'? [What is postmodernity?]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 153–159.
11. Staley, D.J. (2002) A History of the future. *History and Theory*. 41. pp. 72–89. [Online] Available form: http://www.medientheorie.com/doc/staley_history_of_the_future.pdf. (Accessed: 18th October 2016).
12. Medushevskiy, A.N. (2011) Znanie o proshlom v sovremennoy kul'ture (materialy "kruglogo stola") [Knowledge of the past in modern culture (materials of the Round Table)]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 3–45.
13. Malinetskiy, G.G. (2011) Znanie o proshlom v sovremennoy kul'ture (materialy "kruglogo stola") [Knowledge of the past in modern culture (materials of the Round Table)]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 3–46.
14. Rubtsov, A.V. (2012) Arkhitektonika postmoderna. Prostranstvo [Architectonics of post-modern. Space]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 34–45.
15. Zvereva, G.I. (1996) Real'nost' i istoricheskiy narrativ: problemy samorefleksii novoy intellektual'noy istorii [Reality and historical narrative: Problems of self-reflection of a new intellectual history]. *Odissey*. 1996. pp. 11–24.
16. Levinas, E. (1998) *Vremya i Drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and Other. Humanism of another person]. Translated from French by A.V. Paribk. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.
17. Domanska, E. (2008) A conversation with Hayden White. *Rethinking History. The Journal of Theory and Practice*. 12(1). pp. 3–21. DOI: 10.1080/13642520701838744
18. Egorov, B.F. (1974) Kategorii vremeni v russkoy poezii XIX veka [Categories of time in Russian poetry of the 19th century]. In: Egorov, B.F. (ed.) *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, Space and Time in Literature and Art]. Leningrad: Nauka.
19. Jameson, F. (1991) *Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press. pp. 1–54. [Online] Available from: http://flawedart.net/courses/articles/Jameson_Postmodernism__cultural_logic_late_capitalism.pdf. (Accessed: 6th February 2016).
20. Syrov, V.N. (2004) Chto mozhet skazat' tekst istorika? [What can the text of the historian say?]. In: Zinovieva, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – Text – Era]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 27–53.